

БЕСЕДА МИХАИЛА КРАСИЛЬНИКОВА

с сотрудником Санктпетербургского отделения
всесоюзного общества «Мемориал»
СОФЬЕЙ ЧУРКИНОЙ

Л/у

26–27 октября 1991 г.

— Расскажите, пожалуйста, где, когда Вы родились, где учились?

М.К. Я родился 9 декабря 1933 года в городе Орше Витебской области, где проходил службу мой отец, военнослужащий. После отца перевели на Дальний Восток в город Хабаровск. Мое военное детство прошло в Хабаровске. В связи с тем, что ожидалась война с Японией, нас эвакуировали в Сибирь. Там я поступил в школу, в начальную. Затем снова реэвакуировались в Хабаровск, там я учился в средней школе, а затем по месту новой службы отца — мы переехали в Калининград, Кенигсберг бывший. Там я закончил неполную среднюю школу, семилетку. А после этого в 1948 году мы переехали в Ригу. Здесь я уже закончил 22-ю среднюю школу. После окончания школы я поступил в университет, ленинградский. На филологический факультет, на отделение журналистики, это в 1951 году. Я жил там до 1956 года. Но с некоторыми изъятиями. В 1952 году меня исключили из университета после появления в «Комсомольской правде» публикации «Трои с гусиными перьями», такой фельетон.

— А о чём это? Это Вы написали?

М.К. Нет, это обо мне написали... Первого декабря 1951 [Должно быть: 1952] года мы устроили такое небольшое представление. Явились в русской одежде в университет на занятия. А это был день смерти Кирова, 1 декабря. Естественно, сразу же была дана политическая оценка всему этому.

— А вы сами что имели в виду?

М.К. А мы ничего не имели в виду. Мы были большими любителями футуризма русского, Маяковского в первую очередь, Хлебникова и так далее. Это такая футуристическая была выходка. [Ср., напр., Хэппенинг на филфаке // Смена. 1990. 29 марта.]

— То есть, захотелось и все, да? Без всяких...

М.К. Захотелось и все, да. В то время — это время было ужасное, еще Сталин был жив, так что, естественно, сразу же КГБ на нас пристальное внимание обратило. И потом, когда меня уже арестовали, мне следователь показывал это дело, оперативное дело под названием «Неофутуристы». Только издали, естественно, не удалось заглянуть, к сожалению. Там, конечно, были доносы всякие. Придан истории был, конечно, невероятный, политический смысл.

Официально мы были исключены с такой формулировкой: «За аполитизм и политически вредные высказывания». Из комсомола меня погнали и из университета.

— А как звали Ваших друзей? Их тоже потом посадили?

М.К. Нет, их не посадили.

— Это Ваши университетские друзья?

М.К. Да. Юрий Михайлов, Юрий Леонидович Михайлов. Вот, кстати, в последнем номере журнала «Аврора», только что полученном мной, публикация его стихов и о нем [Владимир Уфлянд. Неофутурист с гусиным пером // Аврора. 1991. № 10. С.43-49.]

— А с чего все это началось? В вашей семье какие были взгляды, какие настроения?

М.К. Взгляды у семьи были самые коммунистические. У меня отец был комиссар политический, батальонный комиссар.

— То есть Вы это почерпнули не из семьи?

М.К. Нет, ни в коем случае. В сущности говоря, истоки были чисто эстетические, если можно так сказать, не политические.. Хотя интерес к политике у меня всегда был, большой. Интерес ко всяким оппозиционным движениям особенно.

— А когда этот интерес начал проявляться впервые? В школе?

М.К. Да.

— А каким образом, ведь то, что Вам преподавали, было наверняка насквозь коммунистическим?

М.К. Конечно. Но у нас школа была очень хорошая, почти лицейского типа. Только мужская и только старшие классы, начиная с восьмого.

— То есть, в школе почти не насаждали всего этого?

М.К. Идеологию коммунистическую? Конечно, насаждали. Тем более, что это же Латвия, здесь всегда идеологическая чистота — признак. Но попадало что-то из литературы — Джон Рид «Десять дней, которые потрясли мир», Бруно Ясенского прочел.

— А Вы уже тогда писали стихи, да?

М.К. Ну так, немножко.

— А какая в стихах была направленность? Просто неприятие того, что происходит... Что именно Вам больше всего мешало жить?

М.К. Стихи у меня не носили политического характера.

— А что Вам все-таки больше всего мешало? Давление? Или то, что ком-

мунистов хвалят, а кого-то другого ругают?

М.К. Честно говоря, это мне не мешало. У меня как раз была такая прокоммунистическая направленность, потому что я же из Маяковского исходил, начинал с Маяковского, а Маяковский же очень политичен. Поскольку Маяковский насквозь коммунистичен, то у меня тоже так. Но мне не нравилось то, что оплевывался футуризм в то время вовсю. А мне он казался... Позывов к политической оппозиционности не было. Да и мотивов ясных. Потому что семья у меня была насквозь коммунистическая, тем более, я уже Вам говорил, что отец был военным комиссаром. Брат был офицер и тоже коммунист.

— А эстетическое неприятие чего?

М.К. Я бы сказал, к эстетике имеет отношение...

— В 1952 году, когда вы пришли туда с гусиными перьями, в русских одеждах, Вы не ожидали такой реакции? Что могут быть такие меры по отношению к вам?

М.К. В известной степени ожидали, конечно, потому что время-то было очень глухое, тяжелое.

— Вы хотели проявить себя, несмотря ни на что? Это было средство самовыражения?

М.К. Да хэппенинг, как правильно Уфлянд заметил.

— Я хотела спросить насчет стихов. Вы что-то писали, может быть прочтете какое-нибудь стихотворение, которое наиболее отражает Ваши чувства и взгляды того времени?

М.К. Нет... Я никаких политических взглядов не высказывал в стихах.

— Я в статье прочитала про журнал, который вы издавали, «Брынза» [Ср. выше статью Л.Лосева]. Что это был за журнал?

М.К. Да нет, такого журнала не было.

— Это неправда, да, то, что там написано?

М.К. Это был такой типа альманаха, разовый, не журнал, конечно.

— Альманах, в который вы иногда собирали стихи?

М.К. Да, не иногда даже, а один раз. Так что это ни в коем случае не журнал.

— «Брынза» или «Съедим брынзу», как он назывался?

М.К. Дело в том, что первоначально у нас было две фракции. В одну входили Юра Михайлов и Эдик Кондратов, а в другую я и Володя Сокольников такой. Они издали «Брынзу», а мы — даже не издали ее, а мы просто объявили о том, что мы издадим «Съедим брынзу». Так что это было все-таки шуткой.

— Это было в каком виде? Отпечатано на машинке?

М.К. Да.

— А кто печатал? Вы сами?

М.К. Сами.

— Только ваши стихи?

М.К. Да.

— А среди этих двух групп все были последователи Маяковского и футуристов или там были разные взгляды?

М.К. В основном ориентировались на Маяковского и футуристов. Мой приятель Володя Сокольников, он, правда, был не совсем друг, мы с ним просто жили вместе и учились в одной группе — он был есенинец. Есенина мы не признавали ни в какую.

— А почему?

М.К. Считали, что он бесконечно ниже Маяковского и его соратников.

— Из тех людей, с которыми Вы издавали эти «Брынзы», кто-нибудь стал поэтом, профессиональным?

М.К. Нет, никто не стал.

— А Вы Ваши стихи нигде не публиковали в самиздате?

М.К. Нет! Не печатались нигде.

— Потому что Вы не хотели или возможности не было?

М.К. Я не ставил себе целью, я не считал себя поэтом.

— Не считали себя поэтом?

М.К. Нет, не считал.

— Вы писали для себя?

М.К. Я не ставил себе целью печататься, получить литературную известность, нет, такой цели у меня не было никогда.

— Это было только в своем кругу? Вас было несколько человек?

М.К. У меня был очень большой в Ленинграде круг. Кушнер, Еремин, Виноградов, Сережа Кулле, Леша Лифшиц, ныне известный как Лев Лосев [Ср. письмо В.Уфлянда М.К.-у в лагерь: «Раньше был ты, я, Наташа, водка, Еремин, Кулле, Меркурьев, Виноградов, Целков, Карл, Митюня, Горбовский, Прошкин, Мура, Сэнди Кондратов (кстати, я его не видел в последний приезд, но слышал, что он ушел из училища в Лесгахта), Герасимов, Целков, Лифшиц, Рейн, Бобышев, Британишский, Эдик Сергеев. Даже Левкович»].

— Вы читали друг другу, не пытались распространить стихи, идеи?

М.К. Ничего подобного.

— А потом, после того, как все эти события с Вами произошли, Вас исключили из университета, у Вас был какой-то разрыв и с семьей тоже?

М.К. Нет.

— Они к этому отнеслись нормально?

М.К. Отнеслись нормально. В семье были нормальные отношения.

— В 1953 году смерть Сталина, а потом разоблачение его Хрущевым какое на Вас впечатление произвело?

М.К. Особо нового для меня лично ничего не было. [По устному свидетельству В.Уфлянда, речь Н.Хрущева на XX съезде КП СССР — шок для М.К.] Я все-таки всю жизнь прожил в Сибири и на Дальнем Востоке, все видел и 1937 год немножко зацепил, когда из моего дома была арестована половина офицеров, командиров, коллег моего отца. Но отец, к счастью, не пострадал тогда.

— То есть, Вы все это видели до того?

М.К. Видел, да.

— А венгерские события?

М.К. А вот венгерские события... У меня был друг венгр. Учились мы вместе в университете. Александр Ходер. Он сам живет в Канаде. Может быть, сейчас уже и в Венгрии, но он жил в Канаде. Эмигрировал после событий. Я помню, когда он уезжал из Советского Союза, мы сидели, провожали его, выпивали. Он никак не хотел пить. Я сказал ему: «Знаешь что, сейчас ты выпьешь все равно, у меня есть такой тост, который ты не сможешь не выпить. Давай выпьем за Венгрию без Ракоши. И тут действительно он уже не в силах был не выпить. Так что к венгерским событиям у меня было немножко личное отношение, связанное с дружбой с этим венгром, очень приятным человеком. Ну, естественно, необычные события. Хотя как необычные? До этого же было уже в Берлине в 1953 году то же самое, по сути дела. 17 июня 1953 года.

— А что на демонстрации было? С чем это было связано?

М.К. Это было ни с чем не связано, это было спонтанное действие. Тоже хэппенинг.

— А что Вы там кричали?

М.К. Ой, кричал ужасные вещи. Долой коммунизм! Долой советскую власть! Долой Хрущева! Долой партийную клику! Да здравствует свободная Россия! Да здравствует свободная Венгрия! Да здравствует свободная Латвия! [Ср. выписку из судебно-следственного дела (58.¹⁰. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Аннотированный каталог. Март 1953-1991. М. 1999): «Долой Хрущева», «Долой советскую власть», «Долой партийную клику», «Да здравствует свободная Венгрия», «Долой коммунизм»; ср. А.Лосев (цит. соч.): «Свободу Венгрии», «Утопить Насера в Суэцком канале»; ср. В.Уфлянд («Если бог пошлет мне читателей...». СПб. 1999. С.193): «Да здравствует кровавая клика Тито—Ранковича!», «Да здравствует кровавая клика Имре Надя!»; ср. Гозиас (Долой власть Булганина и Хрущева»); ср. официальное донесение от 7 ноября 1956 г. (цит. соч.): «Долой Советскую власть, да здравствует свободная Россия»; ср. Приговор (цит. соч.): «Выкрикивал лозунги антисоветского содержания, направленные против советского строя и одного из руководителей Советского государства», ср. романную версию (А.Найман. Славный конец бесславных поколений. М. 1999. С.415-416.): «Утопим Бен-Гуриона в Ниле!», «Долой Хрущева и коммунистов».]

— У Вас был громкий голос? Многие слышали?

М.К. Да. [Ср. Найман. Цит. соч.: «Всю ночь с 6-го на 7-е Миша Красильников и еще несколько университетских пили водку, а рано утром приплелись к корпусу Двенадцати Коллегий, где первые активисты уже собирались на демонстрацию. Весело выкрикнув ужасающие антисоветские лозунги, они беспрепятственно отправились в сторону Кунсткамеры

и, в аккурат когда кончился военный парад и население города в проповеданных направо и налево шеренгах скопилось на подходе к Дворцовой площади, появились на ступенях Фондовой биржи, ныне музея Военно-морского флота. Они выбрали то же место, что когда-то и с теми же целями Сталин. Став под мемориальной доской с его именем, они развернули бумажный плакат с шестью требованиями — от свободы печати до свободного расписания в вузах — плюс «Утопим Бен-Гуриона в Ниле!», по существу, если не по формулировке, совпадавшее с официальными. Их мгновенно скрутили и увезли.

Это была компания безобидных гуляк, некоторые из них писали стихи. За несколько месяцев до того появился фельетон о них в «Ленинградской правде». Их обвиняли в злостном славянофильстве, проявившемся в чтении стихов Хлебникова, а главное, в появлении в университетских стенах наряженными в косоворотки и с кувшином кваса, который они, на переменке накрошив хлеб, ели деревянными ложками. С Красильниковым я был мельком знаком, он однажды пригласил меня к себе домой на чтение стихов, но, придя, я застал там неспешную пьянку, причем один наливал свою водку в мыльницу.

Их держали под арестом до следующей весны, в один из теплых дней которой к Двенадцати Коллегиям подъехала черная «Победа» с четырьмя одинаковыми молодыми людьми, двое деловито поднялись наверх и с подоконника выкрикнули двум оставшимся внизу: «Долгов! Грачева! Канистров!» Спустились, и машина укатила. Это был следственный эксперимент: оказывается, в ноябре Красильников с товарищами оттуда же кричали: «Долой Хрущева и коммунистов!» — и теперь требовалось определить, был ли это призыв к изменению государственного строя, если крики достигли стоявших во дворе, или просто агитация и пропаганда, если не достигли].

— А «отдайте Насера крокодилам» вы кричали?

М.К. Нет, такого не было, нет.

— То есть, Вам захотелось вдруг и Вы совершенно заранее к этому не готовились?

М.К. Нет, это спонтанно так получилось.

— То есть, услышав, скажем «мир—мир», Вам захотелось бы кричать противоположное?

М.К. Да, отчасти можно и так это расценить.

— То есть Вас настолько уже это раздражало?

М.К. Конечно, раздражало.

— Но ведь раздражало очень многих, но не многие об этом говорили вслух.

М.К. Оппозиционность во мне всегда была какая-то, я это чувствовал. Нонконформизм, если можно так сказать. Это во мне было заложено всегда.

— А почему Вы не боялись это вслух произнести?

М.К. Да, в тот момент не было страха.

— Вас тогда арестовали сразу же, как Вы все это прокричали?

М.К. Да.

— И куда Вас отправили?

М.К. Сначала на площадь Урицкого, в Управление внутренних дел, а оттуда уже повезли, немножко подержали, но нас милиционская машина взяла. Как сейчас помню, некто подполковник Малышев, который там дежурил с машиной. И вот в КГБ я читал показания Малышева. Он услышал крик, Саша [Китаенко] кричал: «Да здравствует свободное студенчество!»

— Еще кто-то с Вами там был?

М.К. Со мной было несколько человек, да. Но по делу прошел я один.

— А почему так получилось?

М.К. Потому что только на меня были улики.

— Повезло, что негрупповое дело.

М.К. Повезло — это не то слово. Я все для этого делал. Потом оттуда, с Дворцовой площади отвезли в КГБ. Ну, и сразу начались допросы. Там следователя еще у меня не было, были дежурные допросчики. Тогда это же было 7 ноября, праздничный день. Меня допрашивали несколько человек. Допрашивали все дни, да.

— И сколько продолжались все эти допросы?

М.К. Сначала, до предъявления обвинения, три дня. Были очень корректны. Потом уже было предъявлено обвинение, мне был назначен постоянный следователь..

— Обвинение в антисоветской агитации?

М.К. Да.

— А кто еще с Вами проходил по делу?

М.К. Карл Лаува, студент университета, тоже филфака, Китаенко из Горного института. Но они все прошли только как свидетели. Им обвинение не было предъявлено, хотя их подержали там несколько дней. Был еще такой Станислав Викторович Грудинин, студент военно-технического института. Его отец — видный ленинградский журналист, а в последние годы был директором издательства «Советская Россия».

— Там они Вас спрашивали, отчего, почему, как Вам пришла в голова такая мысль?

М.К. Допрашивали, требовали. Я категорически отказался давать показания, заявил, что ничего не помню, что был выпивши. Выпивши я действительно был.

— Какое у Вас было представление о КГБ до того, как Вас арестовали? Что Вы знали?

М.К. Хотя я думал, что сейчас начнутся пытки и прочее, но к счастью этого не было. Самое негативное было отношение, конечно.

— Вы же знали, что Вас могут арестовать. Получилось лучше, чем Вы представляли или хуже?

М.К. Лучше, потому что все ограничивалось нормальным следствием. Не избивали, не пытали.

— Суд был?

М.К. Конечно, закрытый.

— После этого Вас быстро отправили в лагерь?

М.К. Нет, долго. У меня как-то странно. Первый состав суда меня отказался судить по 58-й статье. Вот почему следователь был сменен — не качественно провел следствие. А суд на предварительном заседании решил меня осудить по хулиганке, за хулиганство, это не 58-я статья. По 74-й хотел меня судить.

— Сначала сменили следователя, потом докончили дело, да?

М.К. Да, и тогда уже осудили.

— А потом Вы в Мордовии были, да?

М.К. Да.

— В каких лагерях, там их по-моему, у Вас много было?

М.К. Седьмой л/п., седьмой первый, одиннадцатый, пятый, четырнадцатый. Пятый штрафной.

— Расскажите, пожалуйста, о людях, которых Вы встретили там, кто Вам запомнился?

М.К. Это надо начинать с внутренней тюрьмы КГБ. Это было очень странно. Только в «библиотечке военных приключений» я о таких читал. Был такой Валя Антонов, американский шпион. Его раньше я слушал по «Голосу Америки» под псевдонимом Джордж Глебов. Он выступал с программами о выборах президента в Соединенных Штатах. Я с ним сидел. Этот первый был. А потом более близкие мне по возрасту и по характеру — Родион Гудзенко, Саша Гидони [Краткое описание дел большинства сокамерников и солагерников М.К. см. в книге: 58.¹⁰. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Аннотированный каталог. Март 1953-1991. М. 1999.].

— В одной камере сидели с Гудзенко?

М.К. В разное время. Мы сидели в смежных камерах. Начали перестукиваться У нас был там один очень приятный парень, Юра Левин, он обучил нас всех азбуке Морзе. Мы начали перестукиваться.

— А Вы знали Гудзенко до того?

М.К. Нет, но у нас были общие знакомые. Познакомился я с ним так. Сначала через перестук. А потом надзиратели поняли, что мы перестукиваемся, ссадили вместе и мы сидели вместе.

— А вы перестукивались по системе народовольцев?

М.К. Нет, по азбуке Морзе. Нас Левин обучал, он знал ее.

— Вы сначала сидели в смежных камерах. А кто с ним был?

М.К. С Родионом Гудзенко был такой Аркаша Белоусов. Он, по-моему, из Луги [Ленинграда]. Фотограф был. В разное время нас все время тасовали, мешали. Но в тюрьме самые близкие мне люди были Юра Левин, Родион Гудзенко, Саша Гидони, он тоже был студентом филологического факультета. Ну, а дальше уже потом этап в Мордовию.

У нас был общий следователь, у меня и у Гудзенко. Не могу о нем ни-

чего плохого сказать. Он был корректен очень во время всего следствия. И так относился с симпатией. А потом, когда я вернулся после освобождения, я решил, я же был взят с последнего курса университета, мне оставалось только диплом защитить, и все, я как-то попытался восстановиться. Там, конечно, со мной никто и говорить не хотел. Был такой проректор по заочному обучению, некто Сафонов. Он сказал так: «Человек, совершивший диверсию на идеологическом фронте, он не вправе рассчитывать на восстановление на идеологический факультет, филологический. Из журналистики я был изгнан еще в 1952 году, а потом я был уже на русском отделении. И случайно как раз Родион Гудзенко сказал: «Слушай, обратись к нашему следователю, Гольцеву». А он его недавно встретил как раз. Родион мне говорит: «Знаешь, обратись к нему». Телефон мне дал. Как-то говорит: «Иду я по эскалатору в метро, а навстречу Гольцев, следователь». Он так на него поглядел: «Родион Степанович, чего не звонишь, не заходишь!» И я по данному телефону позвонил, и мы договорились с ним встретиться около КГБ, внизу на Литейном. Он вышел и говорит: «Как дела, Миша?» Я сказал, что дела так, восстановиться в университете не получается. Так мне сказали. Он говорит: «Знаешь что, зайди завтра в ректорат». Ну хорошо, зайду. Зашел, и правда, совершенно изменилось отношение ко мне, на сто процентов. Оказывается, он там накануне был и устроил этому Сафонову втык, сказал, что он не вправе решать, совершил я идеологическую диверсию или нет, это только они, только КГБ вправе решать такие вещи. То есть, он мне помог восстановиться в университете.

— *Он был к Вам хорошо настроен?*

М.К. Он ко мне хорошо относился.

— *И при этом Вас помог осудить?*

М.К. Да, конечно. Он потом вообще прославился, «случившийся рабочий», когда, помните, английский военный атташе Хилтон был задержан в Ленинграде, якобы при попытке съемки какого-то военного завода. Он был задержан «возмущенными рабочими». Во главе этих возмущенных рабочих был как раз мой следователь, Гольцев. Но тем не менее он начинал мое следствие, но кончал его.... Было признано, что он плохо провел следствие. И кончал его другой уже следователь, Поляков [В «Анкете политзаключенного» (см. о ней ниже) первым следователем М.К. назвал Елесина].

— *А кто с Вами был на этапе?*

М.К. На этапе со мной были ребята из Петрозаводска. Такой Витя Смагин, Игорь Панов, затем Юра Лесоставский, он киевлянин, служил в Карелии в армии. Сейчас он уехал куда-то на Запад. [Ср. автора самиздатской повести «Сосны растут в зоне» (не позднее 1965 г., собрание М.К.) — Ю.Лесоправский. Среди героев повести реальные (и вымышленные?) лица: Балаян, Смагин, Калатыгин, Родион [Гудзенко?], Виктор Шатаришвили, Чертков, Красильников. Главный герой — ленинградский художник Иванов. Сюжет повести — побег из лагеря.]

— А этап был только политический или смешанный с уголовниками?

М.К. Потом уже в вагоне были и уголовники, конечно, а нас-то собирали только политических сначала.

— А уголовники Вас не преследовали?

М.К. Нет, никаких конфликтов не было.

— А были какие-нибудь эпизоды, конфликты с начальством у Вас или еще у кого-нибудь?

М.К. Да, пожалуй, нет, ничего запоминающегося не произошло в смысле конфликта.

— А из людей там кто был, в Мордовии?

М.К. В Мордовии огромное количество: Никита Игоревич Кривошеин.

— А он за что там оказался? Он из Ленинграда?

М.К. Нет, москвич. Он внук царского министра, знаменитого Кривошеина, врангелевского премьера. Он какую-то публикацию во французской газете о советской литературе напечатал. За это посадили его. Но ему дали немного, три года всего.

— Расскажите, пожалуйста, о лагере поподробнее.

М.К. Там достаточно было очень хороших людей. Киевские друзья у меня были прекрасные — Алик Фельдман, Толя Порташников, сейчас они живут, правда, в Израиле, Саша Ярошенко, тоже киевлянин [к моменту ареста — Казань], Борис Марьин, молдавский поэт, он тоже был арестован в Киеве, москвичи тоже многие. Восстановилось дружеское общение с ленинградцами, которые там были тоже. С Родионом Гудзенко.

— Вы в анкете писали, что в лагере встретили много людей Вам подобных, которые именно из-за эстетического неприятия туда попали.

М.К. Я бы не сказал, что много, нет. [Речь идет об «Анкете политзаключенного» Всесоюзного Добровольного Историко-Просветительского о-ва «Мемориал» от 12.11.1990 г. В приписке к Анкете М.К. писал: «С горем пополам заполнил анкету. Как нетрудно догадаться, многое в них [ответах] отражено весьма приблизительно. Особенно в отношении политических симпатий. Прошу заметить, что моя оппозиционность носила, главным образом, не чисто политический, а эстетико-литературный характер, в чем я смыкался с многими коллегами по заключению». В опросном листе «Идеология общественных движений 50—80-х гг», также распространявшемся «Мемориалом», М.К. записал: «Оrientировался на идеологию русского лит.-худ. авангарда, гл. образом — футуризма, четких политических симпатий не имею, в лагерное время в основном поддерживал линию Хрущева на исправление наиболее вопиющих деформаций сталинского режима»].

— А какое было отношение со стороны властей. Как-нибудь оскорбляли? Притесняли?

М.К. Да нет, в рамках режима, ничего специально плохого не было. Время было очень хорошее. Тогда старый режим уже провалился, а новый еще не сложился.

— Вместе с Вами были люди, которые сидели со сталинских времен?

М.К. Конечно. Бандеровцы, националисты литовские, латышские.

— Какие у Вас с ними были отношения?

М.К. Не очень хорошие были отношения. Я не любил националистов и сейчас не люблю их по-прежнему. Но отношения были нормальные, нормальные, без большой любви, конечно.

— Вы были в штрафном лагере. С чем это было связано?

М.К. А это было ни за что, просто так... Тогда просто была студенческая забастовка.

— Именно забастовка политических или общелагерная?

М.К. Политических. У нас были чисто политические лагпункты. С уголовниками я сидел только в штрафном лагере вместе. Тот был общий.

— А много было студентов?

М.К. Много. Всех, посаженных в 1956 году, считали студентами, называли студентами, молодежь была в основном, студенты — москвичи, ленинградцы.

— Все по разным поводам?

М.К. В основном, все это было связано с венгерскими событиями.

— Расскажите, пожалуйста, про политическую забастовку. Какие причины были? Или повод какой-то?

М.К. Я что-то не помню какого-то повода. «Долой антиконституционную 58-ю статью, требуем комиссии Верховного Совета!» Ничего, конечно, этого не было.

— Это, может быть, было связано с тем, что в 1956 году многих освобождали и реабилитировали?

М.К. Да, да, конечно... конечно. А в том лагере, где я сидел, там очень много преступников оставалось со времен войны. Полицейских бывших.

— Полицаев?

М.К. Да. И они в общем-то оставались сидеть, и у них сроки были безумные, конечно. Поэтому они в основном бастовали тоже.

— А какое впечатление производили эти полицаи?

М.К. Хорошего мало, я с ними не особенно контактил.

— Были такие моменты, что сразу очень много народу освободили? Попавшее освобождение?

М.К. При мне такого не было. Это было до меня. Я же в лагерь прибыл только в августе 1957 года. Меня довольно долго держали во внутренней тюрьме, КГБ, очень долго. Почти год, считайте. Я был арестован 7 ноября, а выехал оттуда только в конце августа. Это было связано с тем, что два раза следствие шло, суд откладывался, а потом еще фестиваль молодежи в Москве. Тогда этапы шли через Москву. Поэтому лишний месяц мне в тюрьме пришлось провести.

— А так через Москву шли?

М.К. Через Краснопресненскую пересыльную тюрьму.

— Вас не грабили по дороге уголовники?

М.К. Нет, это могло быть, но со мной лично ничего такого не случилось.

— В лагере жили вместе новые политические, старые политические?

М.К. Все вместе.

— Не голодали там? Как было с этим?

М.К. Нет, в то время было довольно хорошо. В смысле того, что посылки без ограничения шли. От родных и от друзей. И можно было приобрести что-то там в ларьке. Я освободился своевременно, в 1960 году, а после этого было ужесточение режима.

— Вы помните Кулябко И.Б. — он в лазарете работал, кажется.

М.К. Да, немножко помню, но так я с ним близок не был.

— А такого человека, Фомченко, знаете?

М.К. Нет.

— А Молосткова?

М.К. Мишу Молосткова помню, конечно. Их в 1960-м или в 59-м привезли в Мордовию. Так что довольно поздно я его узнал. Их сначала отвезли в Тайшет, по-моему, в Тайшетские лагеря. А потом, когда стали концентрировать всех в одном месте, у нас, в Мордовию их привезли.

— Вы не помните, там были священнослужители?

М.К. Очень много. Невероятное количество было посаженных за веру сектантов. Там были главным образом свидетели Иеговы, пятидесятники, истинно православные и тихоновцы, которые не признавали после Тихона других патриархов. Очень много было и православных священников.

— Это с каких времен в основном?

М.К. Некоторые с очень давних. Я даже помню, лежал однажды в больнице, грипп был у меня, в 1957 году. И со мной рядом лежал человек, сектант религиозный, может быть, даже и не сектант, может быть, и православный, сидевший с 1923 года.

— А как его звали?

М.К. Не помню.

— А они не пытались проводить своих праздников религиозных?

М.К. Наверное, это было. Я не знаю. Потому что я религией не интересовался совершенно. В то время.

— Они были все вместе, да?

М.К. Да, вот они-то были все вместе. Пятидесятники с пятидесятниками, иеговисты с иеговистами. У них-то была духовная общность.

— Они на общих основаниях работали?

М.К. Так же, как и все мы.

— А где Вы работали, на каких работах?

М.К. На лесопилке главным образом. Я вообще-то не очень старался работать — старался работать как можно меньше. Но вот один раз мне пришлось очень тяжело работать на лесопилке. Это был, действительно, каторжный труд. Очень тяжелый.

— А как Вам удавалось отыгрывать? На каких-то других работах?

М.К. Ни на каких.

— *А как так получалось? Там же должен был быть жесткий контроль?*

М.К. Он и был, но это время было такое хорошее, мягкое, либеральное. Все-таки можно было крутиться как-то.

— *Кроме лесопилки там ничего и не предлагалось, да?*

М.К. Почему, работ было много. В основном, там мебельное производство. В Мордовии. Ну, и сельхозработы, строительство. Я работал тоже, конечно. Больше всего на лесопилке. А так эпизодически в строительных бригадах, на кирпичном заводе работал и в так называемой аварийной бригаде. Погрузка — выгрузка.

— *Леса, да?*

М.К. Леса и не только леса.

— *А иностранцы в лагере были?*

М.К. Были, но немного.

— *А кто был?*

М.К. Бельгийцы были из бельгийского фашистского легиона, взятые в плен. С 1943-44 года. Видимо, так. Немцы были, но немного. И в основном советские немцы. Из Одессы, из Молдавии, с Украины.

— *А шпионов не было?*

М.К. Были.

— *Из каких стран?*

М.К. Трудно сказать, потому что ведь это еще не значит, что действительно он шпион, если он осужден за шпионаж. Там шестой пункт — шпионаж. А может быть, он и не шпион никакой. Всякое бывает, не проверишь. Там же не знаешь. Приговор не читаешь.

— *Никого конкретно не помните?*

М.К. Помню. Я уже называл вчера — Валя Антонов такой. Американский шпион. Осужден как шпион.

— *Я не поняла, почему он — американский шпион.*

М.К. Он служил в группе советской армии в Германии, перешел на сторону американцев.

— *Он был уже немолод, да?*

М.К. Был уже немолод. Участник войны, воевал. Он туда перебрался, я не знаю, в силу каких причин, сотрудничал с «Голосом Америки», выступал оттуда. Кончал какую-то школу шпионскую американскую.

— *А что с ним потом стало, не знаете?*

М.К. Сейчас не знаю точно его дальнейшую судьбу. У него была очень странная история в том смысле, что ему на суде дали очень маленький срок. Ниже низшего предела. Дело в том, что, по его словам, среди судей обнаружился его военный товарищ, военных лет, с которым они вместе воевали. И поэтому дали ему очень маленький срок, шесть лет. Минимальный срок по этой статье было 10 лет. Минимальный срок за измену Родине десять лет.

— *Это какая статья?*

М.К. Иб, по-моему, «измена Родине, совершенная военнослужащим». В приговоре было оговорено, что срок «ниже низшего предела». Вот не знаю, куда он делся.

— За что попали в лагерь Ваши близкие друзья, о которых Вы вчера говорили? Ярошенко?

М.К. За диссидентство попали и за инакомыслие.

— Чем отличался штрафной лагерь от нештрафного?

М.К. Считалось, что в штрафном был более строгий режим. Но в то время там было очень неплохо. Терпимо, точнее. А потом его ужесточили и устрожили. До последних пределов. Штрафной лагерь был на пятом, пятое лаготделение. Это было так — территория, размером с футбольное поле, внутри которого стоял барак. Вот и все, вся наша территория.

— Там было очень перенаселено, в этом бараке?

М.К. Нет.

— А как-то проявлялось в работе, в кормежке то, что он был штрафным?

М.К. Даже тогда не было ограничений ни на почту, ни на посылки, ни на что. Это такое странное время было очень. Хорошее, в этом смысле. Очень недолгое.

— То есть, это просто так называлось, для их отчетности? Для Вас ничего не изменилось?

М.К. Мало что изменилось.

— А кто еще туда попал, кроме Вас?

М.К. Все там были. И Гудзенко там был, и Ярошенко.

— Одновременно?

М.К. Нет, Гудзенко раньше там был, потом его отправили на общий режим. Я — позже. И Марьян там был.

— А Гудзенко за что туда попал?

М.К. А ни за что, как хотел оперуполномоченный, так и оформлял. В основном — по возрастному признаку, молодежь. Изолировал туда. Некоторая большая строгость там была. На общем режиме там и кино показывали, можно было и спортом заниматься. [В тетрадях М.К. сохранился список части лагерных киносеансов.] Все-таки. А здесь на ограниченном пятаке ничего, конечно, не было.

— Спортом даже можно было заниматься?

М.К. Да, там играли и в футбол, и в волейбол.

— Они предоставляли даже мячи?

М.К. Да.

— А чем еще можно было, кроме как с мячом?

М.К. Любым видом спорта, кроме требующих инвентаря.

— Из инвентаря только самые простые?

М.К. Мячи, да.

— А как там было со свободным временем? Сколько времени работали?

М.К. Работали на общем основании, также восемь часов. Утром рано

начинали, где-то в восемь или в восемь тридцать, уже не помню точно. И соответственно через восемь часов отводили обратно в трудовую зону, и это уже было время, которое твое.

— Занимались чем хотели?

М.К. Угу.

— А отбой был?

М.К. Да. Часов в десять, в одиннадцать.

— А книги можно было читать?

М.К. Да. Там и библиотека была тоже. Но главным образом мы, конечно, получали все. Читали в основном свое. [В тетрадях М.К. сохранился список части книг, прочитанных им в заключении.]

— А библиотека из каких фондов формировалась? У вас потом изымали книги?

М.К. Нет, первоначально я не знаю, из каких она фондов сформирована. Это централизованные фонды. Положено было иметь библиотеку, значит, они ее имели.

— Какие там книги были?

М.К. Издания последних лет... А вот в Большом доме была библиотека, конечно, фантастическая. Прекрасная. Вот там она была, конечно, скомплектована из собраний репрессированных в тридцатые годы. Чего там только не было! Полное собрание сочинений Уайльда и Метерлинка полное собрание сочинений, я с удовольствием прочитал. Киплинг был. В Большом доме библиотека прекрасная. Правда, там одно время были ограничения. Сначала там не было ограничений — бери сколько угодно, читай. А потом стали давать одну книгу в десять дней. Ну, в камере сидишь — два-три человека, уже мы сговариваемся, что брать. А в лагере было в основном то, что присыпали друзья с воли. Там библиотека была, конечно, очень убогая. Лагерная.

— Вы даже с друзьями могли переписываться, не только с родственниками?

М.К. Да, тогда не было никаких ограничений на переписку. Прекрасно было. Так что я со всеми друзьями переписывался. [В бумагах М.К. сохранились письма в лагерь В.Бакинского, Л. и Н.Виноградовых, А.Волосникова, С.Гаврикова, С.Грудинина, В.Герасимова, В.Горшкова, Б.Грищенко, М.Еремина, В.Катеринич, А.Китаенко, В.Кравченко, С. и Н.Кулле, К.Лаузы, А.Лифшица, А. и Ю. Михайловых, Б.Половникова, В.Уфлянда, О.Целкова, И.Цимбал, А.Шарымова и др. Приведем фрагменты нескольких писем, показательных для поэтики письма и поведения адресантов М.К-ва.

1 февраля <1958>

Дорогой Миша!

...Я давно хочу сказать тебе, что не верю тому, что говорят о твоем преступке, что всегда знал тебя как настоящего советского человека, честного и стойкого, и уверен, что ты никогда не мог сделать никакой такой подлости, которую, кстати, и никакой настоящий человек советский не

сделает, а только одни проклятые враги. (К сожалению, много у нас еще врагов, и внешних, и внутренних!) Я не верю никаким слухам, что ты не хорошо себя вел. Тут какая-то ошибка. Только я не знаю, какая. Водка еще никого до добра не доводила, а до зла — доводила. Очень хорошо, что теперь на нее повысили цену, — может, меньше зла она будет нам приносить. Совсем недавно мне рассказали историю, как на днях один человек, напившись водки, утонул в Неве. А не напился бы — не утонул. <...>

Очень не достает и чего-либо, напоминающего те великолепные спортивные объявления, которые ты писал по поручению Бюро ВЛКСМ и Партбюро факультета. Я очень часто с тоской вспоминаю их текст. <...>

Пишишь ли ты там стихи? Или что другое? Рисуешь ли? Тобой ли нарисована та картинка, которую ты прислал Виноградову под Новый год? Если да — то хорошо. Мне очень нравится, но не нравится изображенная там рюмка — ее лучше бы убрать — стройность композиции только выиграла бы. В последнее время я тоже очень пристрастился к акварели и люблю рисовать. <...>

Жду твоего ответа.

Твой С.Кулле.

[1957]

Тябло!

Миха, дорогой!

<...> Первый раз приехал [из армии в Питер] в феврале [1957 г.], когда все еще были полны очарования осенних событий. Я был свидетелем, как Валя преданно отправлялась носить тебе передачу и даже хотел передать с ней небольшую записку. Ничего, кажется, не вышло. Тогда же мы с Ереминым в абсолютно невменяемом виде звонили по телефону из моего дома начальнику того места, где ты тогда находился, и просили позвать к аппарату тебя. На вопрос же начальника, кто просит, я отвечал — Еремин и Уфлянд, на что он со смехом посоветовал мне кончать свои шутки, пока сам не очутился в его ведении. В общем, он мне показался неплохим парнем. <...>

Кивот!

Уфлянд].

— *А из семьи Вам прсылали книги?*

М.К. Нет... не из семьи. Друзья прсылали книги. С книгами было хорошо, потому что не только я, но и друзья получали их тоже.

— *А в лагере было свободное перемещение — из барака в барак? Куда хотите, туда идете?*

М.К. Да.

— *В лагере известны были стукачи?*

М.К. Более-менее да. О них знали или догадывались, по крайнем мере. Тут дело субъективное. Трудно было с уверенностью говорить, что кто-то обязательно стукач, но какие-то сомнения, осторожность, конечно, нужна была.

— *Их избегали?*

М.К. Нет, относились, как к неизбежному злу. Они и сами догадывались, конечно, что они подозреваются. Но со стопроцентной уверенностью трудно сказать, стукач он или не стукач. Заводит провокационные разговоры или эти разговоры кажутся провокационными. Начинаешь относиться настороженно. Но стопроцентной уверенности почти никогда не было.

— *А к Вам с этим не приставали, Вас не пытались вербовать?*

М.К. Нет.

— *А администрация была многочисленная?*

М.К. Да, достаточно. В каждом лаготделении были уполномоченные, которых называли «кумовья», «кумы».

— *А какой был еще жаргон? Политический?*

М.К. Это не политический, это общелагерный. А больше я не припомню. [В тетрадях М.К. сохранился составленный им небольшой словарь лагерной лексики.]

— *А были какие-нибудь моменты, которые запомнились как положительные в лагере? Что-то для себя Вы оттуда вынесли?*

М.К. Да, несомненно. Дружеские связи, дружеские контакты. Потому что очень много прекрасных людей было. С ними я по-прежнему поддерживаю дружеские отношения. Со многими из них. Я уже их называл, все перечисленные. Пустынцев, Родион Гудзенко, Саша Ярошенко. Ярошенко ко мне приезжал пару раз. В позапрошлом году у меня случилась трагедия — жена умерла, я остался совсем один, Саша ко мне приезжал раза три из Киева, поддержал. Марьян приезжал и Родион Гудзенко приезжал. Вот Пустынцева я только давно не видел уже.

— *Как Вы относитесь к интервью? Вам не трудно все это вспоминать?*

М.К. Без большой охоты, конечно, вспоминаю... Конечно, когда мы встречаемся с лагерными друзьями, мы с удовольствием вспоминаем прошедшее. А так себя настроить на воспоминания, это трудно.

— *Очень сильно переломилась жизнь в лагере? Вас в чем-то это сломало?*

М.К. Думаю, что нет. Нет.

— *А потом Вы работали не по специальности, да? Не филологом?*

М.К. По-всякому... В основном, конечно, не по специальности. Я работал в Бюро путешествий, рижском. Составил путеводитель по Риге. [См.: Дебрер М. и Красильников М. Если вы хотите совершить экскурсию. Рига. «Звайгзне». 1966; То же на латышском языке. Debrere M. un Krasīņš M. Ja jūs vēlāties doties ekskursijā. Rīga. «Zvaigzne». 1966; Дебрер М. и Красильников М. Путеводитель по Риге. Рига. «Звайгзне». 1970; Дебрер М. и Красильников М. Путеводитель по Риге. Рига. «Звайгзне». 1971.]

Рига, ул. Дрейлиню, д.14, кв.34.

Статист в Ленинградском БДТ.
50-е годы.

М.Красильников, И.Шнейдер
(рижский фотограф, солагерник),
Л.Чертков.

МИХАИЛ КРАСИЛЬНИКОВ
СТИХИ

1.

Генетик — враг живой науки —
 Сидел, подсчитывая гены.
 Его изнеженные руки
 Следы носили гигиены.
 А на лице — тупом и пухлом
 От косметических мастик —
 Давно любая мысль потухла
 Народу пользу принести.
 И только муху-дрозофилу
 С ее набором хромосом
 По-настоящему любил он,
 Как любит библию масон.
 Так жил он, от народа прячась,
 Но своего дождался дня.
 Из щели выполз он и на час
 Преступно голову поднял.
 Он все порочил, что могло бы
 Нам сделать внешний мир знакомым.
 Животная читалась злоба
 В его упреках агрономам.
 И на любимца хлеборобов,
 Агробиолога полей.
 Все это море лютой злобы
 Плеснул десятками статей.
 Народ вступился за него

Стихотворения 1, 6—30 публикуются по поздней авторской машинописи; 2—4 — по сборнику: Юрий Михайлов, Михаил Кроасильников. Стихотворения. СПб., изд-во Буковского. 2001; 5 — по сборнику: Антология новейшей поэзии. У голубой лагуны. В 5 томах. Ориентал Резерч Партинерз. Ньютонвилл. МЭСС. 1980. Т.4

И понял, что стоит за свистом.
 Схватил и выкинул того,
 Кто был отпетым морганистом.
 Лилась фруктовая вода,
 Народ плясал, суров и истов,
 И каждый зорко наблюдал
 За происками морганистов.

2.

Вагонным бредом вдаль ведомый
 В опустошенный ветром скит,
 Я их распознаю — симптомы
 Глухого бешенства тоски.
 Доехав до Даугавпилса,
 Я, были б деньги, тут же спился.

сентябрь 1955

3.

Как сена стог, что так крылат в июль,
 Желта картофеля ботва.
 Спросил себя: «Проехал Латвию ль?
 Иль, может быть, уже Литва?»
 И здесь, зубами переляскав
 В немом неведеньи ответа,
 Я видел танец перелесков
 На мертвом отраженьи лета.
 Подумал: «Как душа тонка у нас!
 Иглой песков ее не вытравить.
 Просплю углом рассвета Каунас,
 Оставив пеликанам ветра вид».

сентябрь 1955

4.

Литая изморозь соломы,
 На небе изгородь ковра тки!
 Как редко видели село мы
 В укорах хвойной лихорадки.

сентябрь 1955

5.

Хочу узнать тоскует вол о ком,
 Идя один на водопой,

Когда его потащат волоком
Словак, убогий и скупой.

Им все равно — тяжелый груз ли
Нести куда-то по приказу.
Сердца унылых заскорузли,
Восславив горе и проказу.

Но славен истого искусства лик,
Увечный телом оживает.
Они вели вола без устали
Туда, где веха межевая.

Когда на поле сумрак выпал
И проглотил во тьме слова кар,
Никто не слышал больше хрипа
В икоте бледного словака.

А вол на водопой отправился
И верил всем речам о боге,
Вслед за волом, не видя траверза,
Скупой тащился и убогий.

Мужик хлебал в своей ендове щи
И этот образ доконал их,
А случай, памятный чудовищам,
Потом навек исчез в анналах.

1955(6?)

6.

Шел человек, утратив жалость
К страданьям нищего народа.*
В его сознанье отражалась
Объективная природа.
И вдруг остановился, дрогнув, он.
Внезапно начало казаться
Все видимое иероглифом
Непознаваемых субстанций.
Он вечер накануне пьянствовал,
А утром водки выпил сызнова,
И потому впал в кантианство,
Став добычей фидеизма.
Меж тем, наука извлекала

Ср. в ранней редакции: к страданьям нищего урода.

Искусственный бензин из сланцев
 И полностью опровергала
 Все измышленья кантианцев.

/1956/

7.

Гроза настигла одиноких,
 Тоской потасканных прохожих.
 На мостовой царили ноги
 В непромокаемых калошах.
 Они тела несли на ужин,
 От ливня крышею накрытый.
 А в это время даже лужи
 Приобретали лазуриты.
 Деревья долго сокрушались,
 Что дождь забудет прекратиться.
 Их неустанно украшали
 Вдали горящие зарницы.
 Печные трубы в лентах дыма
 Изображали голос альта.
 На них глядел неумолимо
 Осмысленный зрачок асфальта.
 Отвердевали мысли, вещась,
 Глаза цветы срывали с веток.
 И тротуар, плывущий в вечер,
 Устал тонуть в потоке света.

май 1957

8.

На улицах было душно,
 На улицах было пыльно.
 Город от пыли вылинял
 И стал равнодушным.
 Линии выпрямляя,
 Останавливались трамваи.
 Осознал красивый троллейбус
 Собственную нелепость.
 Издерганные прохожие
 Не решались остановиться.
 Пыль покрывала кожу тел,
 Оседала на лицах.
 Реактивные самолеты
 Тупо летали по небу.
 Скука ждала кого-то,
 Ждала кого-нибудь...

Человек работал и жил,
 Иногда получал премии.
 Он не считал этажи.
 Не было времени.
 А когда подошел к окну,
 Уж не успел смекнуть.
 Его назойливо звал
 Серый асфальт.
 Город спрятал зевоту,
 Заметался неугомоннее.
 Скука нашла кого-то ?
 Нашла кого-нибудь?!
 Нашли разбитое тело,
 Но понять не сумели.
 Просто человеку хотелось
 Отпечататься на панели.

июль 1957

9.

Он знал, что умрет обязательно,
 Сегодня его время.
 Смерть непримирима,
 Умеет ладить со всеми.
 Небо раздумало быть синим,
 Горем человечьим не тронется.
 Человек купил в магазине апельсин,
 Полюбовался солнцем.
 Потом кожуру откинул —
 Надоело с солнцем прощаться —
 И как-то мимоходом разбил витрину,
 Принял за чужое счастье.
 В столовой долго думал об овощах,
 Выпил водки перед щами,
 И хотя нечего было завещать,
 Пошел и составил завещанье.
 Разнервничался, себя укоряя, —
 Ни разу не играл в крикет,
 Но поскольку в крикет никто не играет,
 Выкупался в реке.
 К вечеру устал выкидывать номера,
 Казался мертвым на третью.
 Он лег на диван, чтобы умирать,
 И не смог умереть.

июль 1957

10.

Нож табуретки резал сразу
 От службы выцветший прожектор,
 Остатки нудного проекта,
 Давно задуманную фразу...
 И даже разум стал двоиться.
 А книга прятала страницы.
 Она одна наверно знала,
 Зачем зачеркнута граница
 Большой дороги и вокзала.
 Но книга им не говорила.
 И даже так — она сказала,
 И даже верили рассказу
 К коньку бегущие стропила,
 Теряя блеск и точность глаза
 И отдавая слишком мало
 Официантам по заказу,
 Седым пропойцам по закону,
 А монументу с пьедестала
 Друзей не обещала конных...
 Они испытывали скучность
 Раз обездоленных в тоску пасть.
 И утонуть, когда устанет
 Глухой маньяк, на ком креста нет.

23 сентября 1957

11.

Все вежливей и все резонней,
 Весомей прежних доказательств,
 Тоска обдумывала в зоне,
 Как побольнее наказать их.

Обуревая необутых,
 На циферблате застывала,
 На стол упреков о минутах
 Набрасывала покрывало.

И необутые обулись,
 Тоска костюм меняла сотый,
 Изодранный вчера об улиц
 Обугленные повороты.

И постепенно пену злобы
 Прибой отшвыривал куда-то,

Где неприкаянную робость
Вели испытые солдаты.

23 сентября 1957

12.

Повсюду дни в обличье радуг
Себя бездумно повторяли,
Когда окончился припадок
Меланхолической печали.

И, не рискуя расковаться,
Сливался день с увядшим цветом,
Носитель серых декораций
Кричал пронзительным фальцетом.

Он не успел забыть, что весел,
И всем казался бестолковым —
Кого оскомина депрессий
Сковала в мягкие оковы.

24 сентября 1957

13.

Атлет с улыбкой австралийца
Вращал тяжелые тела гирь.
Вращая, поглядел на лица
И начал речь: «Когда я в лагерь

В иные годы прибыл хилым,
Напоминая барельеф,
Никто в мои не верил силы,
Хотя в душе гнездился лев.

Но я своей поставил целью
Не нарушать тогда режима
Решенье было нерушимо.
Отбросил чай, иные зелья

И стал заметно здороветь.
Не раз отмечен от начальства
И отдыхаю на траве,
Чтоб на работе отличаться».

Не шелохнувшись все стояли,
Изящный слушая рассказ.

Атлет застыл на пьедестале
Внимательно смотревших глаз.

А из толпы, худой и слабый,
Не знавший радости и женщин,
Мужчина вышел по ухабам.
Был вид его лица застенчив.

«Во всем я следовать готов
Советам умного атлета.
Его послушается кто,
не станет сожалеть об этом».

Атлет пожал его ладонь
И поглядел поверх забора.
Плыл в небе месяц молодой,
И тучи проносились споро.

Природа видела спортсменов,
Благословляя их дела...
А в этот час ночная смена
Перед работою спала.

октябрь 1957

14.

Расстреляли вечер на дороге,
Растерялись, веря в правосудие,
Никому не показалось строгим,
Но без вечера скучали люди.

И не знали, как остаться прежним,
Почему тоска, откуда взялась;
Был фонарь на перекрестке вежлив,
Но и он, ссутулясь, скрылся за лес.

А когда немного стало легче, —
День не захотел брести в тумане,
Разбивая головы о плечи
Проклинившим радость расставаний.

14 октября 1957

15.

— Я не знаком с гносеологией —
Сказал мужик, снимая онучи, —

Что наш удел? Вноси налоги и
 Ложись на печь, дела окончай.
 Но не могу смолчать, одобрав,
 Я бессмыслицу такую,
 Что вещи — только иероглиф
 Того, чего не существует.
 Возьмем полати. На полатях
 Я отдыхаю по ночам.
 Они — реальное понятье. —
 На что агностик отвечал:
 — Пойми, мужик, ты защищаешь
 Метафизическую ценность
 И этим самым совершаешь
 Непозволительный трансцензус.
 Полати — суть удобный символ. —
 На что мужик ответил чинно:
 — Но я на ярмарке в Касимове
 Для них купил кусок овчины. —
 Так был агностик опозорен,
 Который мудрость Канта вызнал.
 Мужик глядел на вещи в корень —
 С позиций материализма.

[1957. Датируется по упоминаниям в письмах Красильникову конца 1957 и начала 1958 гг.]

16.

Где шпала нагоняет шпалу
 И, обогнав, уходит в сторону,
 Платформы с признаками палуб
 Скрывает лес, дорогой порванный.

Он крестит их крестами станций,
 Расставив пристальных свидетелей,
 Он говорит друзьям: «Расстанься!»
 И не стремится, чтоб ответили.

А поезд, окруженный дымом,
 Не хочет, чтоб его увидели,
 Он хочет проноситься мимо
 РаSTERянных осведомителей.

Но под угрозой автоматов,
 Тупых и тупо чуждых совести,

Он испугается когда-то
И с перепугу остановится.

18 ноября 1957

17.

Сидел в тюрьме и думал сидя
О лженаучности учений
И только сквозь решетку видел,
Как дни меняли облаченья.

Они длинней и ярче были —
Но не для тех, кто выл из клеток.
На улицах автомобили
Разгульно праздновали лето.

И в этом празднике желаний
Дни вырастали многократно.
В пустом пространстве расстояний
Закат глушил цветные пятна.

январь 1958

18.

Били человека неизвестно за что,
Кулаками били и палкой.
Улица смотрела на него из-за штор,
А кто сердобольный — плакал.

Я не плакал. Не мог настроиться,
С папиросы в пепельницу стряхивая пепел,
Пускал в потолок табачные кольца
Одно другого нелепей.

Годы на столе валялись в беспорядке,
Я перебирал их, kleя биографию, —
Если ничего — записывал в тетрадку,
Не понравится — снова правь ее.

И били. Но сквозь поленные жесты их
Откуда-то появился туман.
И самые ретивые любители происшествий
Скоро разошлись по домам.

март 1958

19.

Огню присуща резкость фресковая
Со стен потомков инков.
Дрова надорванно потрескивают
В подобье поединка.

Когда они бороться кончат
И выгорят в золу,
Воспоминанья станут тонче
О пустоте разлук.

Огонь угаснет понемногу,
И он уснет, огнем растроган.
Потом проснется и пойдет он
В ночную смену на работу.

ноябрь 1958

20.

Ожоги на лице заменит ржа,
Истлев, забудет цвет рубаха,
И зеркала забудут отражать,
А станут создавать из праха.
Тогда под тяжестью исполненных пророчеств,
А я пророчил ради смеха —
Он улыбнется и захочет
Собраться сразу и уехать.
Но тяжело покинуть города,
Которые привычней плена,
И там, где надо зарыдать,
Изобразить обыкновенное.
Сочувствуя его тоске —
Сродни одной потере Родины —
Остановлюсь и на песке
я напишу: «Проезд свободен».

ноябрь 1958

21.

С утра крутился снег намокший
И таял на плечах подолгу.
А где-то по соседству Мокша
Стремилась превратиться в Волгу.

Я видел этот снег когда-то.
И каждый штрих полузыбый
Подсказывал похожесть даты
И повторяемость событий.

Я видел этот снег намокший,
Таящий ветра терпкий запах,
Но та река была не Мокшей
И та река текла на запад.

А день рванулся с колеса дней,
И стало ясно — все он смеет.
И где-то рядом Медный всадник
Топтал поверженного змея.

Декабрьский ветер снова дует.
Зажат мордовскими лесами,
Через кордоны лет иду я
Кривыми невскими мостами.

1 декабря 1958

22.

Мне кажется, что стены за день
Держать устали груз неловкий.
Над головою перекладины
Всю ночь тоскуют о веревке.

И все отчетливее мыслится
Опять, как некогда, светло и
Меня давно мечтает виселица
По-дружески обнять петлёю.

6 мая 1959

23.

Ночные крики ходоков
По снегу оставляют след.
И гасят тусклый след бесед,
И капли стынут на весле.
Но замирает крик в ночи,
Ночь настороженно молчит.
Шаги озлобленно молчат —
Они привыкли намечать
Предел мечтам и снам предел.
Они не могут быть одни.

На темной облачной гряде
 Расплылись редкие огни.
 Огни расплылись, а потом
 Глотал их день широким ртом.

февраль 1959

24.

Туман, хозяин парапетов,
 Освободил толпу от дани.
 Нетвердый карандаш рассвета
 Вычерчивает схемы зданий.

На пьедестал сойдя с экрана,
 Слепые всадники согнулись
 От ужаса увидеть раны
 Надрывно вытянутых улиц.

Надлом в их собственности утлой,
 И потому-то, чуть помедлив,
 На них накидывает утро
 Свои безвыходные петли.

7 февраля 1959

25.

Уйти из жизни, хлопнув дверью.
 На дверь годны сосна и лиственница.
 В лесу разлапистое дерево
 В какой-то день до неба вытянется.
 Его нельзя руками выломать,
 Нельзя рукой вершину тронуть.
 Тогда приходят люди с пилами,
 В костре дотла сжигают крону.
 Глядят в огонь, смеются грубо,
 Махорку делят пополам.
 И обездоленный обрубок
 Зовут по-новому — балан.
 А раньше называли деревом.
 Он в штабелях лежит покамест
 И отточен, и измерен,
 Чтоб в половодье плыть по Каме.
 Глаз безошибочен и зорок,
 Язык наряда прост и скучен:
 «Диаметром на двести сорок»,
 «Даст первосортную доску».

Плынет балан, к другим подобран,
 Плынет, во всем другим подобный,
 И зоркий глаз в нем видит дверь.
 Кора о жесткий берег колется,
 Вода зализывает кольца,
 Которые надела смерть.
 Да, смерть... И если дверью хлопать,
 Упав на землю, спать без просыпа,
 Но мне сегодня лень испробовать
 Все выгоды такого способа.

18 марта 1959

26.

Вагон ползет как новый кодекс,
 Пока его еще не приняли.
 И даже кажется, что поезд
 Ведут вперед юристы-римляне.
 Где станции — статьи законов,
 Что приняты единогласно.
 Огни их, поезда не тронув,
 Кодифицируясь, погаснут.
 Так день за днем и ночь за ночью
 Идет соревнованье в скорости
 В болотистом краю, давно чью
 Столицу называли Коростень.
 Леса — огромный склад с дровами.
 Здесь редко бродит гость клыкастый.
 Он не погибнет, как древляне,
 Поверив женскому лукавству.
 Его пристрелят их потомки,
 Далекие от простодушия.
 Навстречу мне летит поземка,
 Я завыванье ветра слушаю.
 А он — юрист неукротимый.
 Он — весь — дискуссия о праве
 И знак того, что кодекс примут,
 Когда доеду до Днепра я.
 Ко мне древлян потомки первых
 Подходят, глупые по-прежнему,
 И просят им продать консервов.
 Но я отказываю вежливо.

17 февраля 1962

27.

Иду сквозь оттепель и заморозки
 Куда поманит — и обманет —
 Моя счастливая, декабрьская,
 Зовущая звезда в тумане.

2 марта 1962

28.

Мечтает туркмен о салаке. — В томате она.
 По вкусу едва ли уступит кокчую.
 Пойду в магазин и куплю обязательно.
 (А денег — достаточно я получаю). —

Идет в магазин, но салаки там нет.

И плача садится туркмен за обед.

Мечтает салака, в томате консервясь:
 — О как мне попасть на закуску туркмену?
 Но кто же, но кто же возьмется за сервис —
 Туркмену доставить меня непременно? —

Салака грустит и с подругами плачется.

От этого гибнет салакино качество.

Но вдруг, возвратясь из далекой поездки,
 Друг рыбы идет и консервовожатый.
 — Отправить салаку в Туркмению не с кем?
 Готов ли вагон? И консервы лежат в нем? —

— Салака ликует, на вкус улучшаясь.

И вправду она не уступит кокчую.

Зеленым кокчаем дымятся пиалы.

Ликует салака, ликуют туркмены.

Сидят на коврах старики-аксакалы

И хвалят консервы за вкус их отменный

Акыны на домрах бренчат эти дни

И славится мудро герой проводник.

4 марта 1962

29.

Латыш, играющий на коклес,
 Досуг свой посвящает дайнам.
 А между тем далекий Котлас
 Кричит: Латыш! Консервы дай нам! —

Тогда латыш, отбросив коклес,
Надев спецовку цвета серого,
Последний взгляд бросает окрест
И ловко делает консервы.

Затем пакует их как грузди,
Умело складывает в ящик,
Запаковав, берет и грузит
В вагон, давно уже стоящий.

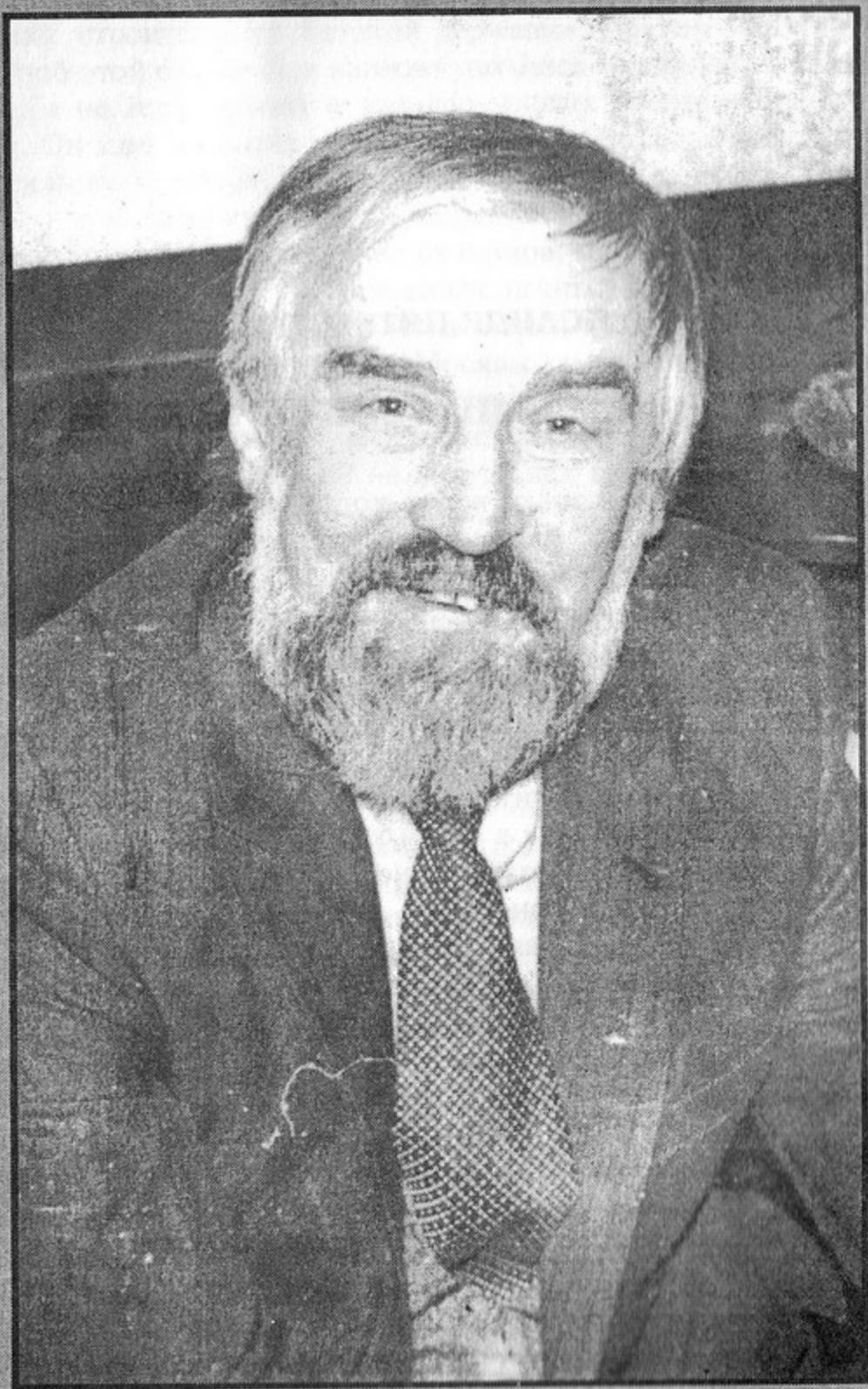
Иди, латыш, играй на коклес,
Твори народное искусство,
Я повезу консервы в Котлас,
Чтоб там была к столу закуска.

декабрь 1961

30.

Звеня от каждого толчка,
Визжала, выла, гнулась линия
И со стремительностью ливня
Неслась на станцию Мучкап.
Вагон не признавал потерь —
Со всей камышинскою веткой
Разъезд захватывая ветхий
В распахнутую настежь дверь,
По скатам ноздреватый снег,
Мостов решетчатые клети.
И все, что я не смог заметить,
Он брал с собой, спеша к весне.

4 марта 1963

М.К. 1994 год